

А. Р. ХУТ

«ИСТОРИЯ НЕСЛУЧИВШЕГОСЯ», ИЛИ ПРОБЛЕМА АЛЬТЕРНАТИВНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Незапрограммированность исторического процесса, присутствие в нем случайности, а главное – многообразная деятельность человека – обуславливают его многовариантность. Именно эта многокрасочность истории порождает одну из важнейших методологических проблем исторической науки – проблему альтернативности истории. Трудно назвать другую историко-теоретическую концепцию, которая вызывала бы сегодня такой же напряженный интерес научной общественности, как «история неслучившегося» (1).

Данная статья представляет собой попытку анализа сослагательного наклонения в истории в контексте современной историографической ситуации.

«История не терпит сослагательного наклонения...» Долгие годы это утверждение было символом веры советских историков-профессионалов. Действительно, отечественные историки старшего и среднего поколений могут сказать о себе: «...мы все воспитаны на этой строгой фразе» (2). Проблема альтернативности истории «со стороны может показаться безответственной, любительской, авантюристической» (3). Между тем, опыт развития мировой историографии буквально изобилует примерами бесконечных обращений исследователей к историческому материалу с вопросом: «Что было бы, если бы...?».

Заслуживающие внимания опыты альтернативного прочтения истории в разное время предпринимали такие известные зарубежные исследователи, как А. Дж. Тойнби, Дж. Сквайр, С. Хук, О. Хэндлин и др. Так, например, крупнейший цивилизационщик XX в. А. Дж. Тойнби пытался ответить на

Хут Людмила Рашидовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Адыгейского государственного университета (г. Майкоп).

вопрос, что было бы, если бы Александр Македонский не умер в 33-летнем возрасте, а прожил еще 36 лет, продолжая свои завоевания (4). Под редакцией Дж. Сквайра в 1931 г. в Нью Йорке вышла в свет книга «Если бы, или перепи-санная история», состоявшая из серии очерков, написанных выдающимися историками, писателями и публицистами. Авторы рассуждали о том, что произошло, если бы в Испании победили мавры, Наполеон бежал в Америку, дон Хуан Австрийский сочетался браком с Марией Шотландской, лорд Байрон стал королем Греции, голландцы продолжали владеть Новым Амстердамом, генерал Ли одержал победу при Геттисберге и т. д. (5). В свою очередь, американский историкософ С. Хук попытался проанализировать опыты подобного рода в статье «“Если бы” в истории» (1943) (6). В результате он пришел к выводу, что большинство из них «это скорее полет воображения, чем научная реконструкция исторических событий» (7). В то же время, О. Хэндлин в книге «Поворотные пункты американской истории» (1955) пытался доказать, что случайность (погода, внезапная смерть выдающегося политического деятеля и т. д.) решающим образом влияла на важнейшие события истории США (8). Одной из последних по времени попыток осмысления вероятных альтернатив исторического развития стал сборник эссе видных американских ученых, повествующий о ключевых моментах военной истории от древней Ассирии до наших дней (9).

В свое время японский писатель-фантаст Саке Комацу в рассказе «Да здравствуют предки!» сформулировал мысль о том, что «настоящее не является прямым следствием прошлого, а лишь одной из реализованных возможностей развития» (10), на десятилетия определившую теоретические рассуждения историков. С ней очевидно корреспондируют слова одного из главных героев популярного современного блокбастера «Терминатор-2» о том, что «будущее не предопределено...». Вот такая «неслучайная случайность», когда в выводах сошлись «высокое» и «низкое», «серьезное» и «несерьезное».

Что касается отечественной историографии, то здесь «лед тронулся» гораздо позже. Альтернативность как особая категория социально-исторического познания не получила сколько-нибудь развернутой специальной разработки в марксистском общественном знании, практически отсутствуя в его категориальном аппарате (11). В то же время, известное высказывание классиков о том, что история есть «не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» (12), в среде советских историков было довольно расхожим.

Актом гражданского мужества в те годы был сам факт обращения к альтернативной истории (13). Одной из «первых ласточек» в этом смысле стал проведенный в 1979 г. журналом «Знание – сила» «круглый стол» на тему: «История: неизбежное и случайное» (14). Его участники пришли к единодуш-

ному выводу, что «альтернативный подход к истории имеет право на существование» (15).

1980-е гг. отмечены в советской историографии появлением ряда серьезных методологических работ И. Д. Ковальченко, П. В. Волобуева, Б. Г. Могильницкого (16), в которых особое внимание уделялось вероятностному характеру исторического процесса. Редакцией журнала «Рабочий класс и современный мир» в конце 1988 г. был проведен «круглый стол» на тему: «XX век: Альтернативы развития». В выступлениях В. С. Библера, Г. Г. Водозова, М. Я. Гефтера, Г. Г. Дилигенского, Б. Г. Капустина, И. М. Клямкина, Ю. А. Левады, Ю. П. Лисовского, И. К. Пантина, В. Л. Шейниса и других участников дискуссии был поднят широкий круг вопросов, углубляющих понимание и нашего недавнего прошлого и проблемы исторической альтернативности в целом (17).

Начав обсуждать проблему альтернативности в истории с робких заявлений о том, что в принципе она имеет право на существование, отечественные историки на рубеже столетий заговорили о ней в полный голос. Важнейшую пружину культурно-исторической динамики увидел в исторической альтернативности Ю. М. Лотман, что отражено в его последних работах (18). Альтернативные сценарии прошлого разрабатывали В. А. Дьяков и В. С. Поликарпов (19). Методологическая оснастка подобного рода опытов «прогнозирования» прошлого стала предметом рассмотрения в новой серии исследований Б. Г. Могильницкого, а также в работах М. Ю. Парамоновой, И. М. Савельевой и А. В. Полетаева (20). Удачный, на наш взгляд, термин «ретроальтернативистика» для обозначения направления философско-исторической мысли, занимающегося исследованием проблемы сослагательности в истории, предложил И. В. Бестужев-Лада (21).

Знаковый характер для современной отечественной историографии имели два научных события. Во-первых, специальный выпуск журнала «THESIS» в 1994 г., посвященный риску, неопределенности, случайности, в котором был опубликован ряд переводных материалов зарубежных авторов – Р. Козеллека, Д. Мило, С. Хука – по проблеме сослагательности в истории (22). Во-вторых – проведенный редакцией ежегодника «Одиссей» в апреле 1999 г. «круглый стол» на тему: «История в сослагательном наклонении?». В его работе приняли участие известные российские историки П. Ю. Уваров, К. В. Хвостова, М. А. Чешков, Л. И. Бородкин, А. В. Оболонский, С. А. Экштут, И. Н. Данилевский, А. Л. Юрганов, В. Д. Назаров, О. А. Ржешевский, М. Ю. Парамонова, Д. Э. Харитонович, А. Я. Гуревич, М. А. Юсим, А. В. Быстров, Л. М. Баткин. Материалы «круглого стола» были опубликованы в выпуске ежегодника за 2000 г. (23).

Современный уровень разработки проблемы альтернативности в истории в трудах зарубежных и отечественных исследователей позволяет выделить несколько ее историографических «срезов», о которых далее пойдет речь.

Прежде всего, представляет интерес вопрос о причинах обращения историков к идее альтернативной истории. Мотивация стремления инкорпорировать сослагательное наклонение в ткань исторического повествования выглядит весьма разнопланово. «Мы, историки, изучаем реальный ход событий, то, что случилось, а не то, что могло случиться. Однако при этом нельзя забывать, что выбор, сделанный историей, был не единственно возможным, и линии, шедшие вразрез с той, привычной, далеко не всегда вели в тупик», – пишет, например, С. В. Дулин, размышляя о роли Великого княжества Литовского и Русского в судьбах русской государственности (24).

В. С. Поликарпов, в свою очередь, обращает внимание на то обстоятельство, что анализ неосуществленных сценариев развития человеческого общества, моделирование «несбывшегося» в истории мировой цивилизации дает возможность раскрыть темные ее места, выявить многовариантный и нелинейный характер истории, выработать подходы к управлению ее «ходом». Кроме того, считает ученый, данная проблема приобретает ныне особую актуальность и потому, что будущее мировой цивилизации непредсказуемо, резко возросли сомнения в неотвратимости исторического прогресса, а перед всем человечеством раскрывается веер исторических альтернатив. Вполне реалистичным представляется В. С. Поликарпову в условиях возрастания многовариантности развития в современном мире осуществление в будущем «некоторых из несостоявшихся актов мировой драмы человеческой цивилизации» (25).

На возможности вторичного обретения онтологического статуса отвергнутыми ранее вариантами исторического развития в реальном пространстве и реальном времени настаивают также С. А. Экштут и П. Ю. Уваров (26). Последний, в частности, утверждает, что «нереализованная в прошлом возможность, вместо того, чтобы отправиться на “свалку истории”, вполне способна в буквальном смысле слова свалиться на голову историку» (27).

Напоминая о том, что тематика исторических исследований является одним из «самых очевидных проявлений власти настоящего», что «интересы историков зависят от крупных исторических событий и проблем настоящего, от характера достижений и трагедий современного историкам общества», И. М. Савельева и А. В. Полетаев делают вывод, что и интерес к тому, как иначе могло пойти развитие того или иного исторического события, чаще связан с исторической практикой (28).

А. В. Оболонский, размышляя о разных путях, ведущих к идее альтернативной истории, признается, что в его случае это диктовалось неприятием

как экономического монизма, так и «фатально-пессимистического, одномерно негативного взгляда на динамику российской истории» (29). Исследователь считает, что в эмоциональном плане переживание нереализованных исторических возможностей является необходимым элементом исторического сознания, а в плане интеллектуальном анализ причин этой нереализованности в значительной мере и делает историю наукой, в отличие от истории как хроники событий и процессов, якобы «не имеющих сослагательного наклонения» (30). Кроме того, по мнению А. В. Оболонского, «обращение к альтернативной истории – это шаг от гегельянства к кантианству, что не просто более эвристически продуктивно, но более полноценно с моральной точки зрения» (31).

Кстати, о морально-нравственном аспекте рассматриваемой проблемы пишут сегодня многие исследователи, имея в виду то обстоятельство, что «любая гуманитарная наука, хотим мы этого или не хотим, несет определенный нравственный заряд» (32). Так, по мнению И. Н. Данилевского, без сослагательного наклонения историческая наука станет «просто аморальной» (33). Д. Э. Харитонович считает, что «если мы признаем возможность существования “истории в сослагательном наклонении”, то мы признаем и то, что развитие исторического процесса зависит от нас, причем не только от всех нас, не только от некоторых из нас, но и от каждого из нас» (34). В свою очередь, А. Я. Гуревич справедливо отмечает, что в условиях сегодняшнего дня, когда «эпоха, в которую мы живем, играет на нравственное понижение», когда «нас трудно уже чем-нибудь ужаснуть», перед историками не может не возникнуть проблемы альтернативности. Сама ее постановка является напоминанием о том, что «...мы несем ответственность за наши поступки. Даже не будучи столь уж значительными, они могут повлечь за собой последствия, которых мы не предвидели. История может дать нам в этом смысле определенные уроки...» (35).

Пытаясь ответить на вопрос о том, каким образом появляется этот необычный взгляд на историю, в основе которого лежит стремление исследователя осмыслить ее с точки зрения сослагательного наклонения, С. А. Экштут в качестве гипотезы предлагает собственное объяснение, отталкиваясь от принципа «остранения», разработанного Б. В. Шкловским. «Целью искусства, – писал в свое время известный российский литературовед, – является дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием “остранения” вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как восприимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен; *искусство есть способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве неважно...* остранение есть почти везде, где есть образ» (36). Продолжая мысль Б. В. Шкловского и пере-

нося ее в плоскость научно-исторического творчества, С. А. Экштут пишет: «Историк, сознательно стремящийся сочетать научную доказательность текста с его эстетической выразительностью, постоянно вплетает художественные образы в ткань своего повествования. Так возникает эффект *остранения*: на всем известные вещи, события, структуры, институты, на героев и антигероев смотрят иными глазами... История предстает как альтернативный и незавершенный процесс... Исторический процесс всегда абсолютен, а его результаты – относительны. Таков исходный пункт абстрактного рассмотрения проблемы альтернативности в истории. В течение почти двух столетий историки, апеллируя либо к Провидению, либо к неумолимым законам истории, абсолютизировали эти относительные результаты: подводили к ним, отсекая все второстепенное, все случайное. В наши дни возникла потребность писать иначе... Манипулируя с прошлым, историк пытается былое, стремясь узнать не то, как это было на самом деле, но интересуясь преимущественно тем, “как это не произошло в действительности”» (37).

А. Л. Юрганов пытается подойти к вопросу о причинах появления сослагательного наклонения в истории с точки зрения историографии. По его мнению, проблема альтернативной истории возникает, когда в историографии совершается переход от одного способа описания и понимания истории к другому, от безальтернативной истории, где господствуют закономерности, к той истории, в которой представлен человек, со своими хаотическими мыслями и случайными поступками. Этот переход, по А. Л. Юрганову, «чреват неким качественно новым пониманием исторического процесса. Теперь мы находимся как бы между двумя берегами: признавая, что закономерность каким-то образом осуществляется в истории, мы вместе с тем понимаем, что случайности также воздействуют на исторический процесс и как-то его выстраивают». Исследователь задается вопросом о том, какова роль этой проблемы в логике развития самой науки, к чему придет наука завтра? Переход от одного этапа в историографии к другому представляется ему как переход «от веера разных точек зрения на какое-то историческое явление – к разным направлениям изучения прошлого» (38). Безусловно, в данном случае речь идет, прежде всего, о постмодернистском дискурсе, изменившем отношение к «ремеслу историка».

Второй историографический «срез» рассматриваемой нами проблемы связан с тем, что использование методов ретроальтернативистики в познавательной деятельности историка выводит его на исследование дихотомии детерминизма и индетерминизма, закономерности и случайности – одной из главных тем философии истории, в которой историография Просвещения утвердила примат исторической закономерности. Еще Ш. Л. Монтескье в своих «Размышлениях о причинах величия и падения римлян» утверждал, что

«если случайно проигранная битва, т. е. частная причина, погубила государство, то это значит, что была общая причина, приведшая к тому, что данное государство должно было погибнуть вследствие одной проигранной битвы. Одним словом, все частные причины зависят от некоторого всеобщего начала» (39).

Вообще представление о каузальности «является ключевым элементом западного рационализма» (40). Общеизвестны строки блоковской «Апологии истории» о том, что «историк ищет цепи каузальных волн...» (41). Представителями детерминистского подхода в историографии в разное время являлись А. де Токвиль, К. Маркс, М. Вебер, приверженцы школы структурной истории. «Историческая школа XIX в. не оставила и следа от случайности... Это произошло не столько в результате последовательного распространения принципа каузальности, сколько благодаря теологическим, философским и эстетическим импликациям современного понятия истории», – пишет Р. Козеллек в статье «Случайность как последнее прибежище историографии» (42).

Но несмотря на то, что господствующие историографические направления концентрировали усилия на поиске исторических закономерностей, случайность никогда не покидала пределы историографии. В современной историографии проблематика случайности очевиднее всего присутствует в сочинениях так называемых историков-традиционалистов, противников системных исследований, эволюционных схем, абстракций и обобщений. Утверждая уникальность любого исторического события, они трактуют историю как игру случайного и непредсказуемого, нагромождение прозрений и ошибок. Один из их аргументов состоит в том, что детерминизм ведет к отрицанию свободы человека, главного действующего лица истории. Другой, относительно более новый довод гласит, что детерминизм, по определению, означает теоретизирование в истории, а теория ставит историю в зависимость от других общественных наук. В результате история становится скорее полигоном, на котором апробируются теоретические достижения социологии, социальной антропологии, экономики, чем самостоятельной сферой знания о прошлом. В сочинениях историков-традиционалистов история предстает как нескончаемый поток альтернатив, из которых в силу стечения обстоятельств и столкновения человеческих интересов реализуются лишь некоторые. В то же время, «по-настоящему последовательный отказ от каузальных объяснений и подходов к истории стал результатом становления постмодернистской историографии» (43).

В связи с изложенным имеет смысл напомнить, что термин «закон» появился в исторической науке в виде заимствования из юридической сферы со смыслом принудительного правила, веления высшей силы (44). Однако «современная трактовка научного закона вовсе не отождествляется лишь с

категорией необходимости, но включает понятие возможности, понимаемой теперь как универсальный закон бытия» (45). Более того, сегодня «определение науки через закон не вполне правомерно. Да и научные законы утратили чисто детерминистский характер» (46). Нынешняя научная практика как никогда далека от известной формулы «наука – враг случайностей», а так называемые случайности стали привилегированным предметом исследования. Эти новые явления не есть «конец науки», но свидетельство ее изменчивости как вида культурной практики (47).

Известные западные историки и социологи XX в. неоднократно обращали внимание на эту двойственность истории, где закономерное и случайное настолько тесно переплетены между собой, что часто просто невозможно отделить одно от другого. Так, С. Хук в уже упоминавшейся статье «Если бы» в истории» более полувека назад писал: «Архитектура дерева, конечно, гораздо проще, чем причинные связи истории. Ее дерево не имеет ни “истинной”, ни “необходимой”, ни “обусловленной”, ни зафиксированной формы. Но оно в то же время не представляет собой и хаотическую путаницу веток и листьев, растущих как попало, без определенных правил, взаимной поддержки и взаимозависимости. Дерево истории – это не дикая, девственная чащоба, где может расти все, что угодно и как угодно» (48). Р. Хайлбронел говорил, что «история существует как хаос или как тюрьма» (49). К. Поппер настаивал на том, что в истории, где есть и причинность, и закономерности, не должны переоцениваться роль неотвратимости, «железные законы», «богиня исторической необходимости» (50). В своей статье «Будущее истории» Л. Стоун, «признаваясь» в том, что «еще одной нашей, социальных историков, ошибкой была недооценка роли случайности и личности в истории и значения случая в его чистом виде», делал еще более категоричный вывод: «Вместе с тем именно в силу встроенной случайности человеческого поведения не существует научных законов истории, как не существует и способности историков успешно предсказывать будущее, кроме как в самом широком смысле» (51). Не спешил заявлять, что он видит «причинные связи, которые с такой легкостью воображают себе историки», и Т. Зелдин. «Говорить о причинах – значит приводить доказательства, а доказывать мотивации или характер интерпретации очень нелегко. Я предпочитаю сопоставления, чтобы читатель сам установил те связи, которые ему подходят. Такой подход имеет свои преимущества: я могу показать каждый фактор во всей его сложности и не убирать то, что не укладывается в причинную схему. Для историков причинность – такой же тиран, как и хронология», – писал ученый в своей статье «Социальная история как история всеобъемлющая» (52).

Чрезвычайно интересны подходы современной российской историографии к проблеме закономерного и случайного в истории. «Казалось, что наука

занимается тем, что повторяемо и закономерно. Это был один из основных принципов науки. Наука не изучает случайного. А все закономерное – это то, что правильно и можно предсказать. Случайное же не повторяется, и предсказать его нельзя. А как же мы тогда смотрели на историю? Мы видели в ней совершенно железные повторяемости и говорили: что такое свобода? – это осознанная необходимость. Мы можем в таком случае понять то, что объективно должно произойти, – вот и вся наша свобода. И тогда мы действительно получали фатальную линию движения человечества», – писал, например, Ю. М. Лотман (53). Стремясь опровергнуть этот взгляд на историю, он обосновывал мысль о том, что «история есть не *только* сознательный процесс, но она и не *только* бессознательный процесс. Он есть взаимное напряжение того и другого» (54). Ю. М. Лотман считал, что «...исторические закономерности тем и отличаются от всех других, что понять их, исключив сознательную деятельность человека, в том числе семиотическую, нельзя» (55). История представлялась всемирно известному ученому не пассажиром в вагоне, катящемся по рельсам от одного пункта к другому, а странницей, идущей от перекрестка к перекрестку и выбирающей путь.

И. М. Савельева и А. В. Полетаев в своей книге «История и время. В поисках утраченного», размышляя об открытости истории, пишут, что она «предполагает свободу действий мыслящего и обладающего силой воображения и политической волей человека, от которого зависит выбор того или иного варианта дальнейшего развития. Каждый субъект, будь то индивид, общественная группа, нация и т. д., волен и не волен в своем выборе. Волен, поскольку на каждом этапе исторического процесса есть многообразные варианты развития. Не волен в силу действия ограничивающих обстоятельств: времени, места, среды, режима и т. д.» (56). В свою очередь, размышляя о том, насколько детерминировано развитие истории и какова в ней роль человека, М. А. Юсим высказывает мысль, что «свобода воли существует, но в рамках некоего заданного коридора. На уровне личности ее будущее во многом загадочно. На уровне крупных сообществ все более предсказуемо: то, что должно случиться, рано или поздно случится» (57).

А. М. Баткин в статье «Странная тюрьма исторической необходимости» задается вопросом о том, в какой степени тот или иной ход событий отражается на макросистеме, и делает вывод, что «сослагательное наклонение» на этом уровне куда менее очевидно (особенно если не сводить его к вариантам, осуществившимся в других странах и временах). По мере возрастания масштаба рассмотрения, *вплоть до всемирной истории в целом*, рассуждения относительно «несостоявшейся истории», ее виртуальности, «контрфактического развития событий» и прочее оказываются все более беспредметными и фантастическими.

Зато, чем конкретней поле исследовательского обзора, тем явственней всплывают ограничения и парадоксы, позволяющие сформулировать идею открытости исторического процесса. Доведенная до противоположного логического предела, т. е. до абсолютного господства случая, истории как бессмысленного хаоса, эта идея в свою очередь должна быть отвергнута» (58).

Л. М. Баткин остроумно замечает: «Если социальный детерминизм это тюрьма, то каждый из нас отбывает срок одновременно в двух пенитенциарных учреждениях – в истории и в природе... Человеку ничего не остается, как считаться с природой и историей и быть вменяемым заключенным» (59). По мнению ученого, проблема детерминизма и сослагательного наклонения предполагает нахождение ответов на следующие вопросы: как история событий сопряжена с историей структур? каким образом капризная и непредсказуемая Фортуна оказывается способной договориться с непреклонным Фатумом? альтернативна ли история человечества в целом? могла ли она сложиться иначе в качестве всемирной истории? (60).

Известный отечественный методолог Б. Г. Могильницкий считает, что «присущее исторической закономерности субъективное начало особенно рельефно воплощается в альтернативной ситуации, разрешающей накопившиеся в обществе противоречия. Имеющие объективные основания в экономических условиях жизни общества, его социальной организации, международных отношениях и т.п., эти противоречия разрешаются в ходе многообразной деятельности человека. Именно от нее зависит победа той или иной альтернативы, иными словами, превращение одной из альтернативных возможностей развития данного общества в конкретную историческую закономерность, в какой эта возможность воплощается» (61).

Третий историографический «срез» проблемы альтернативности исторического развития связан с оценкой зарубежными и отечественными исследователями познавательных возможностей клиометрики и синергетики в разработке различных ее аспектов.

Утверждают, что основоположник кибернетики Н. Винер довольно скептически относился к ее применению в истории, ибо, как он говорил, «мы слишком хорошо настроены на объекты исследования, чтобы быть измерительными зондами» (62). Мировая клиометрика, или квантитативная история, как, впрочем, и российское ее крыло, переживает пятое десятилетие своего существования. Сегодня она является системообразующим ядром исторической информатики – междисциплинарного направления научных исследований, возникшего на стыке информатики и истории¹. По мнению

¹ Подробнее о современном состоянии исторической информатики в России и за рубежом см. (63).

заведующего лабораторией исторической информатики им. И. Д. Ковальченко исторического факультета МГУ Л. И. Бородкина, в современной историографии установился «сбалансированный подход», основанный «на объективной оценке роли и места математических методов в исторических исследованиях... Суть этого подхода состоит в том, что математические методы исторического анализа имеют свои границы применения и должны сочетаться с другими, традиционными методами» (64).

Со времен знаменитого американского клиометриста, нобелевского лауреата Р. У. Фогела, предложившего альтернативные модели важнейших сюжетов экономической истории США XIX в., в арсенал приемов и методов исторического исследования прочно вошла методика контрфактического моделирования альтернатив исторического развития. При этом, как считает тот же Л. И. Бородкин, «основной смысл построения моделей альтернативных исторических ситуаций – в получении количественных результатов двух вариантов развития (реализовавшегося и потенциально возможного), а вовсе не в упражнениях на тему “что было бы, если бы...”» (65).

Имея в виду в том числе и контрфактическое моделирование, Д. Мило в статье «За экспериментальную, или веселую, историю» обосновывает идею, что история имеет все основания стать экспериментальной наукой, что «экспериментальное вторжение в историю должно входить в привычку для историков», а эксперимент должен перестать быть редким явлением в этой области научного знания. Ученый считает, что между экспериментальной историей и наукой, с одной стороны, и искусством авангарда – с другой, существует очевидная связь, «так как все эти виды творчества используют метод выхода из контекста как способ открытия нового. Специфика такого подхода состоит в том, чтобы лишить объект его обычного контекста, чтобы познать его лучше или иначе». По мнению Д. Мило, «в исторических исследованиях количественный подход стал наиболее последовательным видом экспериментальной практики». Он высказывает предположение, что «в последующем экспериментальная история могла бы позволить себе создать историю альтернатив, т. е. существовавших в каждый момент реальности вариантов, которые прошлое стремится скрыть, превращая конкретно свершившееся в необходимое, а несвершившееся – в невероятное или, по крайней мере, в маловероятное» (66).

Статус общенаучного подхода, рассматриваемого в качестве наиболее крупного в концептуальном плане вклада в формирование современных представлений о явлениях самоорганизации и возникновения качественно новых структур, приобретает сегодня синергетика (67). Эта теория дает аналитический инструментарий для исследования неустойчивых ситуаций, переходных процессов, хаотизации и альтернатив развития в самых разных

науках – как естественных, так и социальных¹. В последние годы были предприняты попытки применения синергетики и в отечественной исторической науке². Согласно синергетическому мировидению, «историческое развитие понимается как хаос, т. е. целостность, объединяющая многофакторность проявлений и многоаспектность проблем. Признаком хаоса является, например, наличие внутри этой целостности спонтанно развивающихся (саморегулирующихся) систем; связывающая разнообразные факторы причинность не бинарна, а множественна... неопределенность и вероятность в данном случае усиливаются вмешательством в каузальную взаимосвязь факторов индивидуальной и коллективной воли человека» (70). Как считает Л. И. Бородкин, «для историков этот новый междисциплинарный подход открывает перспективы, в частности для анализа проблемы альтернатив исторического развития, для изучения сложных процессов, возникающих при “надломе цивилизаций”» (71). При этом исследователь отмечает, что «разброс мнений историков, и наших, и зарубежных, в этом вопросе весьма велик, он включает как полное отрицание, так и полное признание концепций и методов синергетики» (72).

На широкие познавательные возможности синергетики в разработке проблем альтернативной истории одним из первых обратил внимание Ю. М. Лотман (73). «История, – писал он, – это процесс, протекающий с вмешательством мыслящего существа». Это означает, что «в точках бифуркации вступает в действие не только механизм случайности, но и механизм сознательного выбора, который становится важнейшим объективным элементом исторического процесса» (74). Развивая свою мысль, Ю. М. Лотман указывал: «При рассмотрении исторического процесса в направлении стрелы времени точки бифуркации оказываются историческими моментами, когда напряжение противоречивых структурных полюсов достигает момента высшего напряжения и вся система выходит из состояния равновесия. В эти моменты поведение как отдельных людей, так и масс перестает быть автоматически предсказуемым, детерминация отступает на второй план. Историческое движение следует в эти моменты мыслить не как траекторию, а в виде континуума, потенциально способного разрешиться рядом вариантов. Эти узлы с пониженной предсказуемостью являются моментами революций или резких исторических сдвигов. Выбор того пути, который действительно реализуется, зависит от комплекса случайных обстоятельств, но в еще большей мере, от самосознания актантов. Не случайно в такие моменты слово, речь, пропаганда обретают особенно важное историческое значение» (75).

¹ Подробнее о синергетическом мировидении см. (68).

² Обстоятельный обзор этой темы см. (69).

М. А. Чешков, анализируя процессы, происходящие в области современного научного знания, и имея в виду проблему сослагательности в истории, справедливо заключает, что «синергетические концепции, и шире – междисциплинарный подход, органически включающий идею самоорганизации, выводят сослагательность к анализу хаоса. Представление о хаосе как особо сложной форме порядка оказывается продуктивным, ибо позволяет рассматривать самые сложные варианты сослагательности, различаемые как по порядку сложности, так и по субъектам этого “наклонения”» (76).

Четвертый из выделенных нами историографических «срезов» рассматриваемой проблемы связан с трактовкой зарубежными и отечественными историками действия механизма сослагательности на уровне событийной и всемирной истории.

Примеры попыток альтернативного прочтения тех или иных исторических сюжетов в мировой историографии достаточно разнообразны. На наш взгляд, имеет смысл проиллюстрировать сказанное на примере одного из ключевых событий новой истории – отмены рабства в США. Американские клиометристы Р. У. Фогел и С. Л. Энгерман, основываясь на данных анкет переписей населения, финансовых отчетах плантаций, а так же на множестве вычислений, которые были бы невозможны без помощи компьютера, попытались доказать, что один из худших для чернокожих рабов периодов истории США совпал с эпохой так называемой свободы, берущей свое начало в 1865 г., когда Конгресс принял знаменитую 13-ю поправку к конституции, де-юре отменявшую институт рабства и подневольного услужения на всей территории страны. Результатом их длительных исследований проблемы экономической эффективности рабства на основе методики контрфактического моделирования стал вывод о том, что слегка замаскированный расизм аболиционистов в конце концов оказался почти столь же ужасным, как и дискриминация в чистом виде, практиковавшаяся плантаторами до 1860 г. Р. У. Фогел и С. Л. Энгерман с цифрами в руках убедительно доказали, что североамериканское рабство был чрезвычайно выгодной экономической системой, что оно в преддверии Гражданской войны между Севером и Югом США не отмирало, а наоборот, являлось более эффективным способом производства, чем свободный наемный труд.

В ходе начавшихся сразу после выхода в свет в 1974 г. труда Р. У. Фогеля и С. Л. Энгермана «Время на кресте» (77) ожесточенных дискуссий на первом плане некоторое время находился нравственный аспект проблемы: некоторым недоброжелательным критикам увиделась в книге неприкрытая апология рабства, хотя оба автора являлись убежденными сторонниками равноправия негров. Однако такие известные историки, как Э. ле Руа Ладюри, сразу поняли, что «предлагая столь вызывающую аргументацию, Фогель и

Энгерман вовсе не стремились оправдать или как-то реабилитировать отвратительный феномен рабства. Они лишь хотели со всей очевидностью доказать, что их предшественники в исторической науке плохо делали свое дело, ориентируясь исключительно на язык аболиционистских портретов, хотя те и декларировали самые благородные в мире стремления» (78).

В ответ на критику предложенной концепции американские клиометристы во второй половине 70-х – 80-е гг. XX в. опубликовали серию статей, а затем, в конце 1980-х – начале 1990-х гг., четырехтомник под общим названием «Без согласия и контракта» (79), в котором были подведены итоги длившегося десятилетия исследовательского проекта. Первый его том назывался «Взлет и падение рабства в Америке». В нем был сформулирован вывод о том, что систему рабства в США следует трактовать как рациональную форму капитализма, но не более того.

Что касается действия механизма сослагательности на более высоком, всемирно-историческом уровне, то следует отметить, что особый интерес в связи с этим вызывает вопрос о соотношении детерминизма и сослагательности в процессе перехода человечества от традиционного к индустриальному обществу.

В рамках формационной теории возникновение капитализма представляло как неизбежный результат действия объективных социально-экономических закономерностей, событие, которое должно было неминуемо наступить. Капитализм был «обречен» на появление, если не в Европе, то в каком-нибудь другом регионе мира.

В противоположность этому подходу ряд современных историков рассматривает капитализм не как «яблоко, которое рано или поздно должно было упасть», а как «дверь, которая могла и никогда не открыться» (выражение Э. Геллнера). Анализируя феномен мутации нововременной европейской цивилизации, они используют метафору «мутации», имея в виду то обстоятельство, что перемены в Европе были скорее «чудом», которое могло случиться лишь в силу уникального стечения благоприятных обстоятельств (80).

Размышляя по этому поводу, А. М. Баткин пишет: «Нелепо было бы думать, что происшедшее в XVI–XVII вв. и позднее было “запрограммировано” за тысячи или хотя бы за сотни лет в историческом ДНК того, что затем будет названо “европеизмом” или “Западом”... Задним числом можно установить закономерность происходившего, переплетение причинно-следственных связей и игры случая, но не необходимость мутации». Называя рождение капитализма в Европе «самой большой тайной всемирной истории», автор прибегает к образным сравнениям, когда, например, заявляет, что «новое время выходит из традиционалистского средневековья неожиданно и вне всяких готовых правил, как Афина из головы Зевса». Подводя промежуточ-

ную черту под своими размышлениями, Л. И. Баткин эмоционально вопрошает: «Если – по историческому масштабу в одночасье – Великая Альтернатива могла однажды возникнуть в маленьком регионе, чтобы вскоре преобразить суть глобальной Истории, то уместно задаться вопросом: возможны ли подобные (не предрешенные и совершенно непредсказуемые) структурные и тотальные мутации также в будущем? И что же такое, следовательно, странная историческая необходимость, которая тайком знает с виртуальной историей?» (81).

Пытаясь ответить на вопрос о глубинных истоках европейского «чуда» и соотношении закономерного и случайного в этом процессе, Р. Капелюшников предлагает собственную, весьма глубокую версию происшедшего. Характеризуя аграрное общество как «ловушку, из которой почти невозможно выбраться», он пишет, что «средневековой Европе удалось пройти между Сциллой политической анархии и Харибдой имперской государственности благодаря сочетанию целого ряда уникальных культурных и институциональных факторов». Среди них он называет неоднородность природной и социальной среды, автономию городов и многочисленность рынков, наличие сильной военной аристократии в качестве противовеса центральной власти, существование достаточно независимого крестьянства, образование плотной сети социальных связей, строившихся не по вертикали, а по горизонтали, и т.д. Несмотря на то, что после падения Рима в Западной Европе не существовало всемогущих империй (европейский «концерт наций»), она практически не знала незаконных захватов престола или отстранений от него. «Уникальное сочетание – поддержание порядка при отсутствии сильной центральной власти – было возможно благодаря тому культурному единству, основу которого составляло христианство, – политическая стабильность обеспечивалась, как выразился один историк, “невидимой рукой Иисуса Христа”. В этих условиях “спонтанные силы экономического и технического развития” не оказались подмятыми мощью государства, и Европе удалось совершить экономический прорыв» (82).

Таким образом, с появлением сослагательного наклонения в мировой и отечественной историографии стала завоевывать определенное место новая научная парадигма, предполагающая, что «можно изучать то, что было, с учетом возможности того, что могло бы быть» (83). Проблема альтернативности – это во многом проблема роли субъективного фактора в истории, проблема свободы исторического выбора, а значит, и ответственности за него. Идея альтернативности направлена против любого рода провиденциалистских представлений о характере исторического процесса, отрицающих свободу человеческой воли и ее целенаправленного и эффективного влияния на ход истории. В равной степени современное понимание альтернативности

направлено и против субъективно-волюнтаристских взглядов, сводящих историю человеческого общества, по образному выражению американского историка Г. С. Коммаджера, к «смеси случайностей, ошибок, неожиданностей и глупостей». Осуществленный историографический обзор с выделением «срезов», т. е. наиболее дискутируемых аспектов рассматриваемой проблемы, свидетельствует о том, что «история неслучившегося» имеет полное право на существование. Степень ее научной состоятельности будет прямо зависеть от того, насколько исследования в этом направлении будут основаны на исторических источниках и фактах, которые при ином стечении обстоятельств действительно могли бы изменить ход истории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лотман Ю. М. О природе искусства // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М., 1994. – С. 433.
2. Уваров П. Ю. Вступительное слово // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М., 2000. – С. 5.
3. Гуревич А. Я. История культуры: бесчисленные потери и упущенные возможности // Там же. – С. 53.
4. Тойнби А. Дж. Если бы Александр не умер тогда... // Знание – сила. – 1979. – № 12. – С. 39–42.
5. If, or History Rewritten / Square J. S. (ed.) – N.Y.: Viking, 1931.
6. Хук С. «Если бы» в истории // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1994. – Вып. 5. – С. 206–215.
7. Там же. – С. 206.
8. Handling O. Chance or Destiny. Turning Points in American History. – Boston; Toronto: Atlantic; Little Brown, 1955.
9. А что, если бы?...: Альтернативная история / сост. Р. Коули; пер. с англ. В. Волковского. – М.; СПб., 2002.
10. Продается Япония: сб. японской науч. фантастики. – М., 1969. – С. 179.
11. Могильницкий Б. Г. Историческая альтернативность: методологический аспект // Новая и новейшая история. – 1990. – № 3. – С. 4, 5.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 2. – С. 102.
13. Уваров П. Ю. Вступительное слово // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М., 2000. – С. 9.
14. История: неизбежное и случайное. «Круглый стол» // Знание – сила. – 1980. – № 1. – С. 38–40.
15. Там же. – С. 40.
16. Ковальченко И. Д. Возможное и действительное и проблемы альтернативности в историческом развитии // История СССР. – 1986. – № 4. – С. 83–104; его же. Методы исторического исследования. – М., 1987; Волобуев П. В. Выбор путей общественного развития: теория, история и современность. – М., 1987; Могильницкий Б. Г. Альтернативность в истории советского общества // Вопр. истории. – 1989. – № 11. – С. 3–16; его же. Введение в методологию истории. – М., 1989. – С. 52–58.
17. Рабочий класс и современный мир. – 1989. – № 1, 2.

18. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. – М., 1992; его же. Изъявление Господне или азартная игра? (Закономерное и случайное в историческом процессе) // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа... – С. 353–363; его же. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М., 1999. – С. 301–385.
19. Дьяков В. А. Исторические альтернативы для Европы 40–70-х гг. XIX века // Вопр. истории. – 1993. – № 7. – С. 54–68; Поликарпов В. С. Если бы... Исторические версии. – Ростов-н/Д., 1995.
20. Могильницкий Б. Г. Историческая альтернативность: методологический аспект... – С. 3–18; его же. Об исторической закономерности как предмете исторической науки // Новая и новейшая история. – 1997. – № 2. – С. 3–15; его же. Методология истории в системе университетского образования // Там же. – С. 3–17; Парамонова - М. Ю. «Несостоявшаяся история»: аргумент в споре об исторической объективности? Заметки о книге А. Деманда и не только о ней // Одиссей. Человек в истории. 1997. – М., 1998. – С. 336–358; Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. – М., 1997. – С. 647–654, 684–696. См. также: Обсуждение монографии И. М. Савельевой и А. В. Полетаева «История и время. В поисках утраченного». «Круглый стол» // Теоретические проблемы исторических исследований. – Вып. 1. – М., 1998. – С. 122–191.
21. Бестужев-Лада И. В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопр. философии. – 1997. – № 8. – С. 112–122.
22. Козеллек Р. Случайность как последнее прибежище историографии // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1994. – Вып. 5. – С. 171–184; Мило Д. За экспериментальную, или веселую, историю // Там же. – С. 185–205; Хук С. Указ. соч.
23. История в сослагательном наклонении? // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М., 2000. – С. 5–85.
24. Дулин С. В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX вв. – М., 1991. – С. 126.
25. Поликарпов В. С. Указ. соч. – С. 6, 7.
26. Экштут С. А. Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления // Вопр. философии. – 2000. – № 8. – С. 79; Уваров П. Ю. Развилки и игральные кости, альтернативы и случайности (Попытка инвентаризации) // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М., 2000. – С. 79.
27. Уваров П. В. Там же.
28. Савельева И. П., Полетаев А. В. Указ. соч. – С. 662, 663, 673.
29. Оболонский А. В. Исторические перекрестки как объект альтернативной истории // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М., 2000. – С. 27, 28.
30. Там же. – С. 32.
31. Дискуссия // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М., 2000. – С. 60.
32. Харитонович Д. Э. Методология и нравственный смысл альтернативной истории // Там же. – С. 52.
33. Данилевский И. Н. Соблазн альтернативы // Там же. – С. 39.
34. Харитонович Д. Э. Указ. соч. – С. 52.
35. Гуревич А. Я. История культуры: бесчисленные потери и упущенные возможности // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М., 2000. – С. 54, 57.
36. Шкловский Б. В. О теории прозы. – М., 1983. – С. 15, 30.
37. Экштут С. А. Указ. соч. – С. 85.
38. Юрганов А. Л. Свойство познания, а не характеристика исторического процесса // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М., 2000. – С. 40.

39. Монтескье Ш. А. Размышления о причинах величия и падения римлян // Монтескье Ш. А. Избр. пр. – М., 1955. – С. 128, 129.
40. Савельева И. М., Полетаев А. В. Указ. соч. – С. 684.
41. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / пер. с франц. – Изд. 2-е, доп. – М., 1986. – С. 110.
42. Козеллек Р. Указ. соч. – С. 180.
43. Савельева И. М., Полетаев А. В. Указ. соч. – С. 693.
44. Виппер Р. Очерки теории исторического познания. – М., 1911. – С. 14.
45. Уваров П. Ю. Развилки и игральные кости, альтернативы и случайности (Попытка инвентаризации) // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М., 2000. – С. 80.
46. Про А. Двенадцать уроков по истории / пер. с франц. – М., 2000. – С. 156.
47. Бессмертный Ю. А. Тенденции переосмысления прошлого в современной зарубежной историографии // Вопр. истории. – 2000. – № 9. – С. 156.
48. Хук С. Указ. соч. – С. 215.
49. Цит. по: Савельева И. М., Полетаев А. В. Указ. соч. – С. 684.
50. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1. Чары Платона / пер. с англ. – М., 1992. – С. 292.
51. Стоун Л. Будущее истории // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1994. – Вып. 4. – С. 163, 164.
52. Зеддин Т. Социальная история как история всеобъемлющая // Там же. – 1993. – Т. 1. – Вып. 1. – С. 161.
53. Лотман Ю. М. О природе искусства // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа... – С. 432.
54. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров... – С. 312.
55. Там же. – С. 327.
56. Савельева И. М., Полетаев А. В. Указ. соч. – С. 693.
57. Дискуссия // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М., 2000. – С. 58.
58. Баткин А. М. Странная тюрьма исторической необходимости // Там же. – С. 64, 65.
59. Там же. – С. 68.
60. Там же. – С. 70.
61. Могильницкий Б. Г. Методология истории в системе университетского образования... – С. 9.
62. Дискуссия // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М., 2000. – С. 61.
63. Аникеев И. А., Покасов В. Ф. Историческая информатика в России и за рубежом // Новая и новейшая история. – 2002. – № 1. – С. 6–17; Бородкин Л. И., Владимиров В. Н., Гарскова И. М. Новые тенденции развития исторической информатики. По материалам XV междунар. конф. «История и компьютер» // Там же. – 2003. – № 1. – С. 117–128.
64. Бородкин Л. И. Математические модели в исторических исследованиях: Deux ex machina? // Математические модели исторических процессов: сб. ст. – М., 1996. – С. 15.
65. Бородкин Л. И. История, альтернативность и теория хаоса // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М., 2000. – С. 23.
66. Мило Д. Указ. соч. – С. 187, 191, 194, 196, 197.
67. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. – М., 1994. – С. 197.
68. Пригожин И. Конец неопределенности. Время, хаос и новые законы природы. – Ижевск, 1999; Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. – М., 1986; их же. Время, хаос, квант: К решению парадокса времени. – М., 1994.

69. Бородкин А. И. «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. – 2003. – № 2. – С. 98–118.
70. Хвостова К. В. Современная эпистемологическая парадигма в исторической науке (роль многозначной логики) // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М., 2000. – С. 10.
71. Бородкин А. И. История, альтернативность и теория хаоса // Там же. – С. 23.
72. Бородкин А. И. «Порядок из хаоса»... – С. 105.
73. Лотман Ю. М. О природе искусства // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа... – С. 432–434; его же. Внутри мыслящих миров... – С. 318–325.
74. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров... – С. 324.
75. Там же. – С. 324, 325.
76. Чешков М. А. Историческая сослагательность, постнеклассическая наука и развивающийся мир // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М., 2000. – С. 15, 16.
77. Fogel R. W., Engerman S. L. Time on the Cross. The Economics of American Negro Slavery. – Boston, 1974. – Vol. 1, 2.
78. Ле Руа Ладюри Э. Застывшая история // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1993, весна. – Т. 1. – Вып. 2. – С. 159.
79. Fogel R. W. Without Consent or Contract: The Rise and Fall of American Slavery. – N.Y.: W. W. Norton, 1989; Without Consent or Contract: Markets and Production / Fogel R. W., Engerman S. L. (eds.). – Technical Papers. – Vol. 1. – N.Y.: W. W. Norton, 1992; Without Consent or Contract: Conditions of Slave Life and the Transition to Freedom / Fogel R. W., Engerman S. L. (eds.). – Technical Papers. – Vol. 2. – N.Y.: W. W. Norton, 1992; Fogel R. W., Galantine R. A., Manning R. L. Without Consent or Contract: Evidens and Methods. – N.Y.: W. W. Norton, 1992.
80. Капелюшников Р. О многовариантности исторического развития // Мировая экономика и междунар. отношения. – 1991. – № 6. – С. 62.
81. Баткин А. М. Странная тюрьма исторической необходимости // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М., 2000. – С. 73, 74.
82. Капелюшников Р. Указ. соч. – С. 62.
83. Дискуссия // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М., 2000. – С. 61.